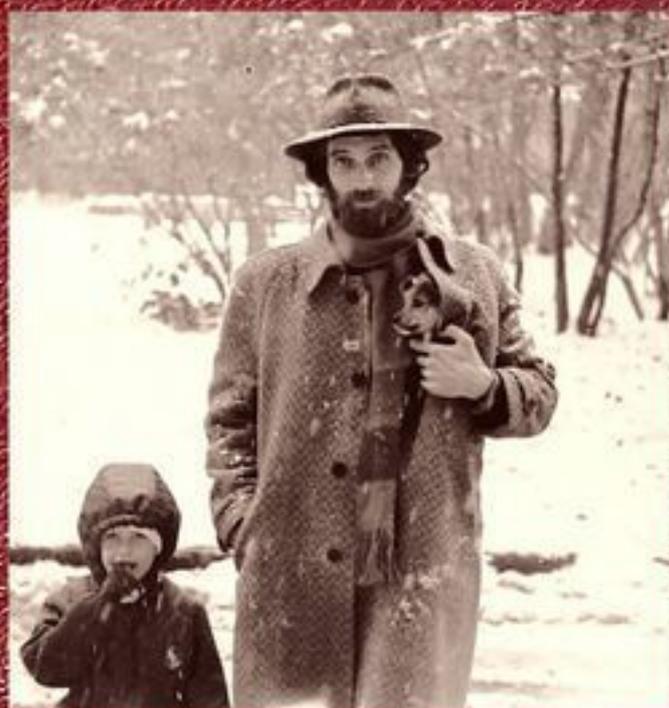

Аркадий Застырец

ГЛУБИННАЯ ПОЧТА

Аркадий Застырец

Глубинная почта

«Издательские решения»

Застырец А.

Глубинная почта / А. Застырец — «Издательские решения»,

«Глубинная почта» — собрание лучших стихов, сочиненных Застырцем с 2011 по 2015 год. В значительной части эта книга повторяет содержание одноименного интернет-проекта.

Содержание

Вермишель в коридоре...	7
Глубинная почта	8
Ищи среди цветов...	9
Как бы добраться до неба...	10
В дремучем саду...	11
Что к ужасу ближе?..	12
Я – в треснувшем стекле...	13
Агараки	14
Дороже, чем пряничный домик...	15
Я болею за наших...	16
Робинзон	17
Броненосец идёт...	18
Итак, блаженная...	19
Вот живу и дышу...	20
На смерть Беллы	21
Подпись к фотографии	22
24 01 2011	23
Наш дом	24
Точно птичье перо...	25
Мартовские хокку	26
На выход в свет книги Романа Тягунова	27
В подножье ночи...	28
Чайка	29
Мы с тобою...	30
Служба знакомств	31
Во вторник вновь...	32
Наставление послушнику	33
Ленской	34
Триколор	35
Стихийное	36
Красивый человек	37
Словом, рыбы...	38
Отечественное	39
Эдем	40
Не перестань...	41
Соната	42
Периферия	43
Город	44
Лара в чирчике	45
Срединная пора...	46
Иосиф в Египте	47
Старики	48
Пинап-2012	49
Парады, сирень, физкультура...	50
Глаза профессора	51
Спящий в снегу	52

За Виктором недавно Зинаида...	53
Сюзанна без старцев	54
Мой брат погиб в Афганистане...	55
Сквозит по дому...	56
Шестидесятые	57
Предчувствие снега	58
Красный, оранжевый, жёлтый	59
Воды небесной	60
Город	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Глубинная почта

Аркадий Застырец

© Аркадий Застырец, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Вермишель в коридоре...

Вермишель в коридоре, где свода белёной горе
Бесколёсно воздета простая дамоклова рама
И в холодном железном – помятом?! – помятом ведре
Отражается в мокром локтями белёсыми мама.
Вермишель разлетается,
взрывом голодных времён

Перекинута в розу ветров за рассветом, распадом...
И – накормленный силой, обманом, отцовским ремнём —
Я в букварь уезжаю несчастным преджизненным взглядом.
Ну, кого мне, скажите, кого же мне благодарить
За свершенье пути к экскаватором взрытому свету?
Если Бога вам нету и тьмой обрывается нить...
Неужели Хрущёва? Но вот уж и Ельцина нету.
Лишь в полуденном мареве липнут к лицу,
И приходится рвать, чтоб отбиться,
зелёные ветки:

Мах – и шаг, мах – и в спину уткнулся отцу...
А по краю карьера, шатаясь, гремят вагонетки.
Вот и мы на краю, опрокинув сияющий взор...
Опадает, шурша позади,
вермишель в коридоре,

А у нас под ногами зияет бездонный простор —
Может, воду из неба зальём, и получится море?

Глубинная почта

Рождены же в плоть, не на бумаге,
От живых страдающих отцов
Почтари лошадные – Пинягин,
Малышев, Недодьев, Воронцов...

Чай, не тля, не дышащие дыры...
Погляди внимательней, сестра.
Как сидят парадные мундиры
На восьми кружочках серебра!

Как блестят мерлушковые шапки
В солнечном морозе января
И шуршат конвертики в охапке,
Сургучами стиснуты не зря!

Пусть на обшлагах чернее ночи
Стылым трактом скучного житья
Время оботрёт и насмерть сточит
Узелки казённого шитья —

Допьяна, без мысли и не глядя
Через пыль и темень, где звезда,
Знает Бог, какого счастья ради
Вся эта неслась белиберда.

Ищи среди цветов...

Матвею

Ищи среди цветов,
За влажною подкладкой,
В пыли разбитых слов
Притихшего украдкой,

Ищи в огне земли,
Весной благоуханном,
В бесцветном корне тли,
Надёжном, постоянном,

Под маленьким стеклом,
Зелёной золотинкой,
Растаявшим числом
И прошлогодней льдинкой,

На масляной воде
По следу водомерки,
Ищи его везде,
До смерти и поверки.

Найди его, найди,
Отчаянье развеяв,
За шелестом в груди,
Земной оси левее,

В борении крыла
И спёкшемся сугробе —
Как жизнь тебя нашла
У матушки в утробе.

Как бы добраться до неба...

Как бы добраться до неба Монголии,
Огненно ясного, медленно грозного?
Только не надо про нёбо магнолии
Врать на ходу из вагона нервного.

Может, мне сдать секретным товарищам
С белыми лампами и папиросами,
Тварям, пытающим, бьющим и старящим
Не подлежащими свету вопросами?

Может, мне прыгнуть с раздутыми жабрами
С крыши обкома, алеющей скатами,
В путь, проведённый во сне дирижаблями,
Газом горючим летуче раздатыми?

Или в «Победе» с покатою крышею
Ехать бензиновой степью казахскою,
Краем, где кажется дальше и выше и
Гулко застелено плиткой метлахскою?

Или по лесу в рассветном волнении
Топать, шурша всевозможными травами,
Живородящими время от времени,
Верхними, нижними, левыми, правыми...

Может быть, менее мне или более
Боли отпущено до преткновения
И не увижу я неба Монголии?
Ну, так тем более! И тем не менее...

В дремучем саду...

Памяти Володи Антокольского

В дремучем саду на старинной картинке
Весь воздух завален штрихами лучей
И нежно царапают кожу песчинки,
Когда поднимает глаза книгочей

От жёлтых страниц к небесам за границей,
Где птицы застывшие в гору летят
И пахнет иголка гравёра зарницей,
Пуская в штриховку расчётливый яд.

И тучи на страже стоят горизонтом,
И греки в ущелье незримо бредут
Над чёрным, эвксинским, безжалостным понтом
В грузинского царства железный кунжут.

В дремучем саду начинается ужин,
На белую скатерть – тяжёлый листок,
И мёртвый живому до смерти не нужен...
Но мёртвый и так уже не одинок.

Что к ужасу ближе?..

Что к ужасу ближе?
В чём больше беды и обузы?
Быть женщиной рыжей,
Поющей бедовые блюзы,
Безвестной и старой,
Любезной лишь за полночь бару,
В костюме – с сигарой —
Недевочки пьяной на шару?

Или Спиридоном,
Своё ненавидящим имя,
С холодным бидоном
Идущим на тёплое вымя
В деревне, забытой —
Да на фиг она им! – властями,
Лет за сто убитой
И стащенной в воду кустами?

А может, шаманом,
Вождя умирающей дочке
Украдкой на лоно
Кладущим куриные почки
И воющим дико
В овечьем вьюгою чуме?
Представь-ка, воззри-ка
В своём кокаиновом шуме!

Что дарит сюжеты
Последнему в жизни кошмару?
Разводы? Навады?
«Поддай-ка нам, дяденька, пару»?
Разбиты дороги
В душой покидаемом мире...
Что вцепится в ноги,
Как каторжным чёрные гири?

Я – в треснувшем стекле...

Я – в треснувшем стекле
над коммунальной ванной:

Вонючая вода, сантехника, уют.
Две бабушки мои, с любовью неустанной
Обняв мое лицо, не мёртвые, поют

И в белые хлопки завернутое тело
Несут они моё, как самолёт-судьба...
Я провожу рукой: как страшно отпотела
От этого тепла холодная труба!

Уже и грязь чиста, и пьяные соседи
Размыты в белый мел пространством перемен,
И за окном огни – во тьме аз буки веди...
Глаголю ли добро в тени зелёных стен?

Наутро, показав язык далёким странам,
Из ледяной весны в новёхоньком пальто
Иду в родной июнь с пурпурным барабаном,
И на пути моём не выстоит никто.

Агараки

Мы в Греции, родная, наконец-то!
Задев плечом неполную луну,
К концу подходит морем наше детство,
Поэтому я ночью не усну.

И лёжа на спине в особом свете,
Что вмешан с пылью в кровь и молоко,
Как яблокам в сухой придверной клети,
Нам дышится легко и глубоко.

Не в Турции, а с тем же ведь успехом...
Границы-то с земли не сметены.
Мы в Греции. Я понял по орехам,
Хотя они ужасно зелены.

Кудрявый бог с дриадой-недотрогой,
Идём по склону, смятому войной,
А ласточка над самою дорогой
Летит, как самолёттик заводной.

Дороже, чем пряничный домик...

Дороже, чем пряничный домик,
мне сахарный дом.

Летящий с утра, настоящий в оконном проёме,
Он залит невидимо-ясным небесным огнём,
Он – знамя победы в зимы наступающем гrome!

Из ночи очнувшейся памяти он стартовал,
У первого мая до лета рассветных заводов
Он встретил Фиделя и вывесил
чистый крахмал

Над улицей грозных парадов
и скорбных походов.

Не будет моим никогда, вообще нежилой,
Под снегом и градом угробленный
плоскою крышей,

Он всё же восходит, как феникс
над жирной золой,

И кажется даже, что слышит и окнами дышит.

И хуже того – реактивный затеяв разгон,
Глядит свысока в керосиновой улицы свету,
Поскольку восходит и медленно сходит с планеты
И следом за мной исчезает во времени он.

Я болею за наших...

Я болею за наших, но им не судьба:
Ни гола, ни угла – проклятуший ноль-ноль...
И по жизни-то мы голытьбой голытьба,
Так еще и болеть понапрасну? Уволь!

Отфутболить? Пстой! У вратарского лба
Собирается в ниточку инея свет —
Ща забьют! Я за наших, пускай не судьба!
Боль уходит, и смерти тем более нет.

Робинзон

Слышен пьяный, с голосами
Ветер на море с утра...
Всё-то мы умеем сами
От зерна до топора.

Всё – от дома до колодца,
Обретая вид и род,
Как-нибудь кроится-шьётся,
Колосится и встаёт.

Лозы в чёрном винограде
Веселят хозяйский глаз,
На потом в глубоком складе
Сложен доверху запас.

То добычу, то находку
Небо в сумерках пошлёт...
А ещё из кедра лодку —
Вырубать за годом год.

Не жалеть ножи и тёсла
В толще цельного ствола
И однажды стать на вёсла
И оставить все дела,

Все желания минутны,
Все мечты на полчаса,
Развернуть во тьму лоскутны
Ненадёжны паруса,

В тишине сказать молитву,
Только честную, одну —
И направить кия бритву,
Мча за далью, в глубину.

Броненосец идёт...

Броненосец идёт по чернильному шторму,
Не в потёмках – в июльской стремительной тьме,
Утверждая всем весом уютную форму,
Раздвигая прощанье огнём на корме.

Броненосец, ведомый слепым капитаном
Материнской упрямой и скорой руки,
В доколумбовом шаге, от замысла пьяном,
Суперструнам и вечному льду вопреки.

Броненосец, невооружённому глазу
Нарочито невидимый в воздухе сем,
По границе, по чёрному мира заказу,
По всему, что и ну его, правда, совсем!

И проходит, светя через фибры и вежды,
Оставляя такой полыхающий след,
Что взрывается сердце весельем Надежды!
А ведь думал, Надежды в живых уже нет.

Итак, блаженная...

Итак, блаженная суббота
С мороза в комнаты вошла —
Во сне потерянного счёта
Остатки снегом замела,

Земные сроки отменила,
Без бани мыслями чиста,
Непоступательная сила,
Приют молитвы и поста.

Не то чтобы душа устала —
Всегда трудов себе найдёт,
Неделю Марфа хлопотала.
Теперь, Мария, твой черёд.

Вот живу и дышу...

Вот живу и дышу, как мальчишка
в июльской реке,

Чья вода глубока и тем более там холодна...
Колокольная бронза уснула
в прибрежном песке,

Или выползла чудом с глухого и топкого дна.

«Я не против реки! – мама радостно вдруг невпопад. —
Сколько хочешь, ныряй или на берег тот уплыви!»
Только я не хочу. Я готов уже к дому, назад,
По колено в траве... да чего там! – по локоть в крови!

Погоди-погоди, отпусти-ка тычинку весла,
Сядь поближе, на камень, и голову так запрокинь,
Чтоб ослепнуть от солнца... Ну, надо же!
Носом пошла,

На земле поалев, золотая небесная синь.

На смерть Беллы

*...и бог над девочкой смеялся,
и вовсе не было его.*

*...А мальчуган, причастный чудесам,
несет в ладони семь стеклянных граней...*

Белла Ахмадулина

Пусть не знает никто, сколько именно, но
У стакана гранёного граней побольше,
Даже если без газа и красно вино,
Если только в Москве, а не где-нибудь в Польше...

Или там, я не знаю, где сходятся встык
Потемневшая Лаба и пьяная Влтава
И над гладью созвездие стынет, как штык, —
Не смертельно, а просто уже – величаво.

Если только в Москве, ни мертва, ни жива,
Как положено нашим сестрам напоследок,
Ты лежишь и вдыхаешь предсердьем слова,
Чтобы выдохнуть лёд на великих соседок —

На Иосифа тяжесть и нежность – ага —
И прощальное небо бело и полого,
Бог – с тобою, в ногах полыхают снега...
Ну и что, что у девочки не было Бога!

Подпись к фотографии

Я живу в нищете,
в полумраке упавшего снега,
Ничего не хочу
(я же только что каши поел),
Не ищу ничего,
ни огня, ни с огнём человека,
Просто вижу во всём
убивающий нежностью мел...
Так уж вышло, что дожил
до пятой потёртой ступени,
А куда эта лестница,
Господи, страшно сказать.
На моторе моей
нарастающей с возрастом лени
То и дело взмывают над полом —
то стол, то кровать.
То и дело... – сказал
набирающий скорость бездельник,
От мороза укрывший
в квартире своей облака,
И глаза оглядели
внизу покачнувшийся ельник,
И поправила свет,
обронив рукавицу, рука...

24 01 2011

Оглушительны – шёпот и стон,
Крик не слышен, и слепы огни.
Сквозь удушливый обморок-сон
К тишине закордонной прильни...

Выдран с кровью из сердца Восток,
Испарились – нет более слёз,
И по жилам струится песок —
Это всё! Передоз! Передоз!

Беспосадочно души взвились,
Та – снегирь, эта – злая оса...
Уложили затылками вниз:
Пусть волются в глаза небеса.

Наш дом

Наш дом, где разрываются сердца,
Опасен был и вечером в июле,
Чуть бигуди, блестящие, как пули,
Завертят больно кончики лица

И салом пальцев карточный атлас
Хлестнёт по подоконнику заката:
Хотя и не точна аптечно дата,
Мы знали, кто – вперёд оставит нас.

Прощай, исчервоточенный буфет,
Где тишина и паника – соседи
И отражают недра горький свет
Горением серебра и дымом меди.

Прощай, усталый маятник-снаряд,
Забивший тьму гвоздями перемены,
И ты, златой растительный накат,
Украшивший ещё сырые стены.

Прощайте, духи левого крыла!
Мы больше не нуждаемся в ответах...
Ужели нас нелёгкая взяла,
Рыданием безверия отпетых?..

Точно птичье перо...

Точно птичье перо —
разновесами воздуха в качку —
Исчезающий день
направляется к центру Земли,
И украдкой закат,
означающий света заначку,
Все набитые смыслами
топит мои корабли.
Неживая вода
отменяет и молнию славы,
Полыхнувшей в глаза
с улетающей спицы креста...
Но подснежную мглу
шевелият воскресения травы,
И прозрение — там,
где восходит царить слепота.

Мартовские хокку

*

Все разъехались в день похорон,
И внезапно один я остался:
Дом отцовский меня разлюбил.

**

Меры страданию нет:
Боль на Земле неделима...
Умирая, просилась домой.

Огонёк на крыле самолёта
Показался луной:
Через двадцать минут – на посадку.

На выход в свет книги Романа Тягунова «Библиотека имени меня»

Последний путь – не худший вариант.
Роман Тягунов

Во власти зрения и слуха,
Я помню всё, что ты забыл
В эпоху истребления духа
И расточенья слабых сил.

Земле претит стоячий катет,
За вдохновенье мстит она.
За слово точное не платит
Трудов тяжёлых тишина.

Скажу и слова не нарушу:
Не гуще крови наш талант,
Последний путь – всегда наружу,
Он – вообще не вариант.

Но ты есть ты – на чёрной тяге
Предательских и подлых лет
Сорвался кляксою с бумаги
Во внешний вешний вечный свет

И возле беговой дорожки
Разлётся на моем столе —
С вьетнамской маркой на обложке
И в ламинате, как в стекле.

В подножье ночи...

В подножье ночи со свету скользя,
Земные луны скоры и упруги...
Но отчего-то, братия и други,
Не верится, что вспять уже нельзя
И нет пути в теней подсенный ход
Из улицы на белый берег моря,
Хотя бы молча или только вторя
Всему, что умирающий народ
Поёт и говорит, в прилежном хлопке
Сосредоточив прямо на себе
Божественное, забранное в скобки
Неподлежанье сказанной судьбе.
Не верится, что век необратим,
А верится, что всё ещё возможно —
Войти во двор, ступая осторожно,
И разглядеть над кровлей зимний дым.

Чайка

В высокой прохладе надмирной дороги
Поджав перепончато-алые ноги
И в ночь отметелив летающий лёд,
Сестра моя Чайка по небу идёт...

Сестра моя Чайка, без нижнего толка
Забывшая землю во сне богомолка,
На воздухе лёжа, уже не спешит
Высматривать, кто там в воде мельтешит.

Не мечется страстно и не выбирает —
Сестра моя Чайка, живя, умирает
И даже, возможно, к нечаянью зла,
Жива – потому что уже умерла.

Мы с тобою...

Мы с тобою наверное братья по крови
В этой нашей извечно вечерней поре,
Вдоль речного пути колоколец коровий,
Промывающий слух деревенской дыре.

Как бы ты ни качал языком величаво —
Страшновато представить в излучине лет,
Из какого кривого, помятого сплава
Мы с тобою случайно явились на свет.

Нас мотает свирепой эпохи походка
И бесцельных ударов уродливый счёт,
Навсегда под ногами затоплена лодка
И по стрежню подвыпивший жихарь плывёт.

Медяки обречённые в рваном кармане,
Мы идём и гудим, а когда упадём —
Растворимся в болоте и, видимо, станем...
Паром, что ли... А чем же ещё? Серебром?

Служба знакомств

Милые девушки за пятьдесят,
С лицами в кадре щенков и котят,
Что вам сердца напоследок велят?
Что вам потёртые складки?

В белом Египте, голубящем прах,
В Турции с алым цветком на руках,
Юные, свежие в паточных снах
Влажной рассветной палатки...

Вижу по серым усталым глазам:
Было да сплыло, открылся сезам —
Да и захлопнулся, по тормозам
После серебряной свадьбы!

Как же вы так пережили семью?
Где оброну зеницу свою?
«Гетеро. Выросли. Да. Не курю».
Встретить бы, жить бы, понять бы...

Милые девушки за пятьдесят
В провинциальной прихожей висят —
Глупо, неистово, пошло, подряд,
За пять шагов до порога.

Внуков и внучек упрямо держа,
Кушая дыню на даче с ножа,
Грудь на курортный песок положи...
Господи, как же их много!

Во вторник вновь...

Во вторник вновь похолодало
Промчался ветер, хлынул дождь —
И так тепла осталось мало,
Что смерти чувствуется мощь...
Движенье не спешит с обменом,
Минута стынет, как ледок,
И дрожь бежит по белым стенам
На север-северо-восток...
Надежда всё ещё возможна,
Но блеск с утра далёких рек
Уже восходит осторожно
И вьёт помалу первый снег.
Его ни ухом не уловишь,
Ни сетью выверенных слов
На долгий миг не остановишь...
Что делать... Будь к зиме готов.

Наставление послушнику

Bury your burdens in the ground...
William Elliott Whitmore

Сапёрной лопатой
в весеннюю жирную землю
Зарой свою ношу,
и осенью мы поглядим.
Ни слёз, никаких отговорок
я впредь не приемлю:
Ты должен расстаться
с возлюбленным скарбом своим.

Сквозь талую смесь
оголтелого солнца с прохладой
Ты можешь пробиться
к сердечнику твёрдых корней.
Но даже коснувшись его,
не рыдай и не падай:
Земля – не источник,
рождаются души не в ней.

Ступай в глубину,
где огонь сторожит сердцевину
И тартар бессилен,
и черви уже не живут,
Где боль разлетается прахом,
теряя причину,
И ангелы именем новым
наружу зовут.

Ступай в глубину
до конца направлений и счёта,
Туда, где царит
одолевшая тьму высота
И сердца сдаётся
тугая земная работа,
И крылья за плечи
ложатся наместо креста.

Ленской

С душою прямо геттингенской...

<...>

...Над ней он голову ломал

И чудеса подозревал.

А. С. Пушкин

Постойте, вернётся
на родину славный Владимир,
лелеющий правду,
с печатью крестин-именин,
с кудрями до плеч или без,
он не только не вымер,
он – вечно живой,
и не важно, на -ской или -ин.

Он Ольгу полюбит
И в собственном доме поселит,
И вы его тоже
Привыкнете сладко любить.
Увидите, братцы,
Онегин его не застрелит.
Такого героя
Евгению не пережить!

Владимир – не гордый,
Не надо ему и медали.
Не дали – и ладно!
А всё-таки дело пойдёт —
Орлиным легко
Прозревая туманные дали,
Крылом над тайгою
По новой качнёт самолёт.

И денег Россия
На недрах бессовестно слупит.
Какая там зелень!
Серебряной станет трава —
И осень на горло
Упавшему лету наступит,
И холод с рассветом
В исходные вступит права.

Триколор

Синее, белое, алое,
Бедное тело моё!
В бездне Земля – захудалая,
Ты же – перстинка её.

С выжженной ветра наездами
Серой травинкой степной
Поровну мало под звездами
Плоти дано вам земной.

Белое, алое, синее,
Кинуто боли и тле —
В севера ль медленном инее,
В юга ли душном котле.

Тело моё ненадёжное
В ласковой узе тепла,
Жадное, сонное, ложное,
Как тебя тьма отдала?

Алое, синее, белое...
До смерти не разгадать!
Чудо невидимо целое —
Малому чуду под стать.

Даже и света пророчеством
Загодя в Небе дыша,
Не обжила б одиночеством
Храмина этой – душа!

Стихийное

Сообщаю на скорости звука,
Что течение земли и огня
Убивает любого. А ну-ка,
Не позволяй им прикончить меня!

И вода, разумеется, тоже —
Здесь прохладна, а там ледяна —
Душу вынет, касаясь кожи,
И уложит в ничтожество дна.

Да и воздух – казалось бы, где там! —
А ведь медленно жжёт изнутри,
В унисон с отцветающим светом
И во сне от зари до зари.

Как бикфордов шнурок, ненадолго,
Исчезая собою, легла
Нашей жизни горячая волга
От рожденья до смерти угла...

Но зарыты и в вечной мороке
Назначенье, задача, мотив —
Вот увидите, вылушив сроки, —
Будет взрыв. Будет взрыв. Будет взрыв.

Красивый человек

Красивый человек,
Животный и живой,
Глаза – как строжни рек,
И с грязной головой.

Киянка, пояс, дождь —
Весь мир ему по йух.
Он пламя, племя, вождь,
Он – воплощённый дух.

Пристроив кисть и пядь,
Всё уточняет вкруг
И силится назвать,
Не выпустив из рук.

Он ходит там, где дым,
Без страха и зело
Подобными любим
За тело и тепло.

Не украшаю я,
Не лью ему елей:
Не лучше он зверья,
Хотя во гневе злей.

Но и не хуже он,
И враг ему – Молох,
Он слышит в Небе звон
И знает: это Бог.

Словом, рыбы...

Словом, рыбы – не немые.
Рассекая тьму за мной
на косые и прямые
говорящей тишиной,
настоящей и поющей,
восходящей на луну,
ради вящей или пущей
образующей струну,
ночью тыщей и одною,
бесконечным падежом,
рассекая тьму за мною
не палаческим ножом,
тучу сахарного зада
вводит в царственный покой
не моя Шахерезада,
не такая, я какой...
Выбирайте, либо – либо,
но она без дэ одна:
если девушка, то рыба,
если чудо, то жена.

Отечественное

Как бы в мире этом тёмном
Оглянуться мне,
Спрятать тление в скоромном
Золотом огне,
Скрыть в саду под цветом белым
От ударов злых
Души, связанные телом,
Всех детей моих?
Как бы вымолить у Бога
Не себе, а им
Дней без счёта юных много,
Стороною дым?
Как бы всех моих любимых —
Яблоня и печь —
Нежных, беглых, уязвимых...
От яги сберечь?
С потолка упавшим толком
Молча оболочь,
С говорящим серым волком
Увезти в полночь,
Снова поднятых началом —
Ну же, ну же, ну! —
В Китеж-град за третьим валом,
В тайную страну,
Где продленье свет порукой
И луна рекой,
И не взвешивают мукой
Волю и покой!

Эдем

Кто измеряет лотом,
Кто Лотовой женой,
Омытый смертным потом,
Как в копи соляной,
Эдем ругают мифом,
Несбыточной мечтой,
То дамским кроют лифом,
То мраморной плитой...
А он легок и ясен,
Как на заре роса:
Весь опыт наш напрасен
Без веры в чудеса.
Все нужды смехотворны
У этих белых врат,
Творения притворны
И примитивны, брат.
Мы все Эдемом бредим
И раны бередим.
В Эдем, Адам, поедем!
Там яблок поедим...

Не перестань...

Не перестань, настань ещё,
Екатеринин бург,
Досмертное пристанище
Ощипанной Симург!

Над трупами, за трубами
Воспетый не за то,
Что был с губами грубыми
И в драповом пальто,

И не за то, что струнные
Над ВИЗом небеса
Промчали в утра лунные
Полвека в полчаса.

За дым? За паче циммера
Ипатьевский домок?
За маузер Владимира,
Стреляющий в висок!

И в праздник невесёлыми,
Суровыми, как нить,
Нельзя с такими сёлами
На росстани шутить.

Нельзя, нельзя, товарищи,
По ледяным пруда
Тащить своё кошмарище
Отсюда и сюда,

Где каменно завязано
Не сердце ли страны...
.....
– Нельзя? Да нам не казано!
И не вселяйся в ны!

Соната

В этом крепком выдержанном сне
Я вхожу в одну и ту же реку —
Дважды, трижды, стожды... Сбился с веку! —
По траве, распущенной на дне.

Я вхожу под вечер и скольжу
На худой, легчайшей пуха лодке...
Вроде вижу, хоть и не гляжу,
Узнаю деревья по походке...

Вот бредут, развесив над водой
Пожилые тягостные руки,
Ели, ели редкой чередой
На речные выцветшие звуки.

Медленно шагают тополя,
Впрямь держа серебряные спины,
И летят, где отмели земля,
В сквозняке проклятия осины...

Там – тревоги сладкий самогон
И костры собирают старожилы,
Еле слышен сумеречный звон
Божьей воли, милости и силы...

Проплываю в гулкой тишине
Под мостом массивные опоры...
.....
Для чего-то вечно снятся мне
От стыря подвижные просторы?

Периферия

περιφέρεια – окружность.
Варварский греко-русский словарь

Периферия не знает пощады:
Жжение с треском от центра вдали,
В плиты сбиваются снега и грады
На полумёртвой округе земли.

Периферия не сто – однолица.
Жёстко ли стелет? Не стелет *вапце!*
Смачно плюет, незаметно глумится,
Топит своих в общепитском борще.

Периферия – унылое членство,
Угол и ветер... И всё-таки – но!
Каждый оставшийся тут – совершенство,
Горная пика тут – каждое дно.

«Периферия» – волшебное слово:
Пери и феи порхают о нём,
Рифы, кораллы, разгон – и готово:
Всё ещё в мире, но в мире ином.

Переживи её лето и стужу,
Приотвори перепрятанный взгляд...
С периферии уже лишь наружу
Чистые стёкла и души летят.

Город

Вену себе отворив
вялотекущей рекой,
видимо – всё-таки жив,
но ни ногой, ни рукой.
Бело-зелёный, рябой,
и не петух уж, а гусь,
не наглядеться тобой,
не наиметься боюсь.
Что, не видав, не поймёшь
юркой дороги твоей —
видимо, всё-таки ложь,
картоплетенье путей.
В памяти сонной висишь
на предрассветных парах;
женского рода – Парижь,
вольная втайне Серах.
Ярости не удержать,
бл..и прохожей грубя:
– Я не хочу умирать,
Я ненавижу тебя.

Лара в чирчике

С невидимкой на виске,
Скрыта летом, точно мелом,
Платя с бантами пробелом
Моя Лара в Чирчике.

А вокруг – цветенье роз,
Чёрно-сахарные сливы
И, отдать плоды счастливый,
Ярче солнца абрикос.

Дети, небо, свет, вода,
Жаром-жар живородящий...
Я ж – ещё не настоящий,
Мне пока нельзя туда.

Самолёт с моей руки
Улетел в одно касанье.
Что мне чайанье и тщанье?
Неделимо далеки!

О единственном глотке
По незнанию мечтаю
И над атласом гадаю:
Кто там? Где там? В Чирчике?..

Срединная пора...

Срединная пора
Взлетающего лета,
Когда царит жара,
Сухой грозы примета,
Когда не крест, а плюс
В заглавии у чисел,
Цветенья пышен юз
И липок пота бисер,
Меня свести с ума
Способна постепенно...

Мне ж по сердцу зима,
Где всё тепло застенно
И даже серый дым,
Взмывающий на небо,
Легко исповедим
От бани или хлеба.
Мне осень подавай,
Чьи сны в золотых заслонах
Уводят в снежный рай,
Невидимый на склонах.

Иосиф в Египте

Ещё один взошёл Иосиф,
Обиду в сидоре неся
И землю на небо подбросив,
И голося, и голося...

Меж тем, окуклился Египет —
Опять во тьме, опять рабы...
Иосиф срифмовал бы «выпит».
И я бы мог, кабы не бы.

Как на ладонной тёмной складке,
Лежит вся Африка во мне,
В войне, в огне играя в прятки,
И вроде есть, и как бы не...

И кто сказал, что беспрестанна
Лелеющая сытых львов
Трава, Танзания, саванна?
Не плод ли северных грибов?

И кто сказал про эти нити,
На острых крыльях ноября,
Где снег из ласточкиной прыти
Молчит до смерти говоря?

Ни мифом вырезанный Лосев,
Очками рухнувший в цветы,
Никто не говорил, Иосиф,
Ни даже ты, ни даже ты!

Ни свет июльский, угасая,
Нам точных не диктует глаз,
Ни землю на небо бросая,
Иосиф, ты не сдвинешь нас.

И на штыре воложном Нила
В зрачок с орбиты введено:
Вот вам и золото, и сила,
И тьмы горчичное зерно.

Старики

Не так уж часто умирают
В жилом массиве старики —
По вечерам они играют,
И реют в небе колпачки,

А на рассвете, став по зову
На ширину понурых плеч,
Внимают бережному слову,
Хоть там и нечего беречь.

Их память ничего не стоит,
И до невидимости бел
Тот свет, который звёзды строит
На кончиках чертёжных стрел.

Их время нынче на исходе,
Их немощь силы не сулит,
Они подвержены погоде
И связаны движеньем плит.

Иные слепы, немые, глухи,
Скрипят в тумане костыли,
При стариках живут старухи
Под притяжением земли.

Спроси у них – тебе расскажут
Про бегство, голод и войну,
О том, что шьют они и вяжут
И смерть во всём подобна сну,

А сон подобен юной жизни,
Где солнце, брызги, взор и стать,
И даже дремлющий на тризне
Умеет голубем летать.

Пиноп-2012

Это чья во тьме пилотка
Поплыла-затрепетала,
Точно атомная лодка
Без ветрила и штурвала?

Чьё молчанье – фора рыбам
В полном смерти медсанбате?
Чей алеет мягким сгибом?
Чьи в жару прохладны стати?

Это что за нарушенье
Трёх ньютоновых законов?
Чьей невинности крушенье
Сходит в хоре горних звонов?

Это храброй санитарки,
Чьи в палате неуступки —
Полумёртвому припарки
Под огнём небесной крупки,

Чья ладонь теплей июля
До того, что рады боли,
Стонут, кличут: «Аля, Гуля,
Уля, Мила, Юля, Оля!»

Парады, сирень, физкультура...

Парады, сирень, физкультура,
Ждёшь утра всю ночь до утра...
– Куда ты торопишься, дура?
Пять-тридцать, ещё не пора.
И что тебе это движенье,
В горе керосиновый гул
И в улицу строя вторженье,
Чуть ветер – и солнце задул?
Зачем тебе равенство, девка?
Всех краше ты и веселей.
К чему тебе с прочими спевка?
Ангиной с утра заболей!
– Ах, матушка, матушка, что вы!
Я верю, что нынче мы все
К разбегу по взлётной готовы
Бетонной во сне полосе.
Не зря в волосах, белоснежны,
Взрываются банты легко,
Недаром, чисты и прилежны,
Натянуты туго трико
И руки умеют волнами
Помалу ходить от плеча,
И флаг пламенеет над нами
По холоду шёлк волоча!

Глаза профессора

Третий глаз? Не смешите меня.
У профессора всяко их шесть.
Для воды, для земли, для огня,
Чтоб дышать, чтобы пить, чтобы есть.

И, конечное, шесть – не предел,
Открываются за полночь к ним
Живописецкий глаз-новодел,
Стихотворческий глаз-невредим.

А когда, нагледевшись, уснут,
Замережась ресницами в тишь, —
Отворяются глаз-первопут
И помощник его – карамыш.

Ну и, чуть приступает рассвет,
Что ни шесть, к своему волшебству, —
Разгуляется глаз-небowed,
Непокорный телес естеству.

Он уносит профессора ввысь,
Через радуги струнный разбор,
Так что без толку звать – оглянись!
И впустую кричать – мутабор!

Спящий в снегу

Спящий в снегу забывает о боли,
То есть, не просто не чувствует, а
Вдруг отрывается воздухом воли
И улетает, как моль от винта.

То есть, не пьянь в забытьи, а трезвея,
С каждой секундой над морем и тьмой
Веруя крепче, и рея, и вея,
Спящий, казалось бы, прошлой зимой...

И не покорный изгибам простора,
Ибо закону летит вопреки,
Не баритон или тенор из хора,
Не продолжение Божьей руки,

Но на любом языке говорящий —
Это не снег на морозе скрипит —
Временно всё ещё медленно спящий,
Даже – не важно – и мёртвый на вид.

За Виктором недавно Зинаида...

За Виктором недавно Зинаида,
И вот уже затеяли ремонт —
Для чистого и радостного вида,
Комбинезон, графин, косынка, зонт...

Заварен в самый раз и даже лишку
Крахмальный клейстер в розовом тазу.
И не на вечер, на ночь – передышку,
Торопятся – как путники в грозу.

Как все бывают, молоды и гладки,
Ни облачка на высветленном лбу,
Обои клеят в правильном порядке,
Не озираясь: что там на горбу?

За Виктором недавно Зинаида:
И года нет, как счастье началось.
Во власти новобрачного рапида
Так хорошо! Не до смерти небось...

И в сером этом выгоревшем тоне,
В прекрасных лиц мерцающем наклоне
Из прошлого сквозь фотоаппарат
Небесные глаза и не глядят.

Сюзанна без старцев

Исполнена пены морской венерической ванна,
По мокрым плечам, золотясь, утекает рассвет,
И груди водой не теплее рассвета Сюзанна
Невинно ласкает... А старцев-то,
старцев-то – нет.

В белёсых глазах не метнётся тяжёлое пламя,
Артритные пальцы не станут от пульса трястись...
Сюзанна чиста, как империи белое знамя,
Чиста и прекрасна, как ты за неё ни возьмись.

Она погружается телом в прозрачную воду,
И на пол течёт, как воде и велел Архимед...
А старцы замешкались: трудно им стало по ходу,
Их плоть не восстанет купаниям тайным в ответ.

Они умирают – их похоть, увы, опоздала;
Старейшины рода и града усталые львы
Нисходят навеки с привольных страстей пьедестала...
И некому трогать Сюзанну и мучить, увы.

Безгрешность железна, стыдливость её неустанна,
Но старцев-то нету – кому ж это всё испытать?
Ни старца, ни мужа, ни мальчика... Плачет Сюзанна
И прячет от зеркала в мыле бессмысленном стать.

Мой брат погиб в Афганистане...

Мой брат погиб в Афганистане...
Где он и не был никогда.
С аванса в водочном дурмане
Он вновь и вновь летал туда

На оглушительной вертушке,
Сжимая жаркий автомат,
И спирту был из мятой кружки,
Из алюминиевой, рад.

Мой брат погиб в Афганистане...
В жару и гибельный мороз
Он явь в отчаянном обмане
Сшивал струями мутных слёз

И врал о небе Кандагара
И тайной миссии своей,
О вкусе горького угара
На веках раненых друзей.

От света выцветшею бровью
Он боль к закату прижимал
И рисовал текущей кровью
На горизонте контур скал.

Мой брат погиб в Афганистане...
Я не сумел его спасти —
Ни на такси к жене Татьяне
Кривого насмерть увезти,

Ни в Пасху на богослуженье,
Ни в воскресенья летний лес,
Какое, на фиг, тут спасенье,
Ведь он в такую даль залез!

СКВОЗИТ ПО ДОМУ...

Сквозит по дому дмухановский
И шепчет в правое плечо
По-русски, польски и литовски:
«Ничё-ничё, ничё-ничё...»

А мы себе простого просим —
Жилья, одежды и еды,
И чтоб зима сменила осень
Огнём небесной череды,

И чтобы мама не болела,
И чтобы папа – в Небесах...
А то на что дано нам тело,
Душе внушающее страх?

И вся затея, вся природа?
Зачем так трудно сведены
Частицы в атом водорода,
Часы в годину старины?

Что станет ужасу затвором
И смыслу нижнею плитой,
Когда не Бог за разговором
И не твердыня под пятой?

Шестидесятые

Девчонок выносят со сцены,
А Леннон поёт и поёт.
На сцене же обыкновенный
В утробе столетия год,

Какой-нибудь, скажем, четвёртый,
Лет двадцать, как нету войны,
И воздух, зловонием спёртый,
Снесло в океан тишины.

Девчонок выносят со сцены,
И падают туфельки с ног
Мадрида, Парижа и Вены
В кочующий Лондонский смог,

Орут и визжат не от боли,
И слёзы текут по щекам
По собственной влюбчивой воле
И прочим таким пустякам...

Ни Сталина нет, ни нацистов,
Европа взошла из трущоб;
По-клоунски как-то неистов,
Не так уж и страшен Хрущёв.

Всё больше летит легковушек
По бархатным лентам шоссе,
Всё чаще красивых старушек
На взлётной видать полосе.

Грядут и грядут перемены,
Бикини, болонья вразлёт...
Девчонок выносят со сцены,
А Леннон поёт и поёт.

Предчувствие снега

Предчувствие снега и ночи *другія*,
Дрожащая влага на чёрных ветвях...
Под утро зубами в плечо – невралгия.
Спасибо, не в сердце. Добро, хоть не в пах.

Предчувствием снега до ласковой дрожи,
До смертного страха в слабеющий стон
Сегодня, как пить дать, любой изнеможен
И за руку в варежке ватной сведён.

Предчувствию снега, которым состарен
До грязно-серебряной всяк седины,
Я даже наверно во сне благодарен
За лету конец и забвеньё весны...

За холод сухой и разборчивый иней,
За изморозь в каждом изгибе листа,
За свет ослепительно краткий и линий
Железную твёрдость на вые моста.

За всё, что стремительно, всё, что преложно,
Сводим, вращаясь, до тоненьких йот,
За всё, что вчера ещё было возможно,
И вот – неизбежно, и ясно вот-вот.

Красный, оранжевый, жёлтый

Мне нравится вид из окна —
Под снегом плетёные ветки,
И улица утром видна,
Как птица в нечищенной клетке.

Огонь заявила зима,
Собака согрелась – не лает,
И каждый охотник желает
В чужие проникнуть дома.

И кто не охотник вперьять
За стёкла нескромные взоры?
Не все ли мы робкие воры?
Всё тащим, не в силах понять...

Иметь бы, вживить бы под дых
Без платы, без спросу и права!
Пускай нам и воздух – отравя,
И снег-то – смертелен и тих.

Вся наша страна – сторона,
Где брызги – поминки прибою...
И ладно! Пока я с тобою,
Мне нравится вид из окна.

Воды небесной тихие осколки...

Воды небесной тихие осколки
В окне моей бессонницы кружат,
А за окном торжественные ёлки,
Раскачиваясь, воздух сторожат.

Зима идёт, и днём уже не тают
Земля в ногах и в градуснике ноль.
И всё быстрее недели свет листают,
И веры нет в какой-нибудь июль...

И веры нет. Хотя наверняка
Известно мне, что лето существует,
И пусть надолго – временно, пока,
Не навсегда безмолвно торжествует

Ближайший космос выевшая тьма,
И сказка-смерть кончается началом,
И величины, спрятанные в малом,
Не паче познающего ума.

Зима идёт, отбеливая путь,
Прямой, кривой – не надобно иного.
И кажется, что мне уж не уснуть
Отныне и – до Рождества Христова.

Город с большой высоты

Иногда, пробудившись, откроешь:
За стеклом леденеет крыло,
И, снижаясь, ты мысленно строишь
Всё, что будет ещё и прошло.

Между тем, переводят пилоты
На ручное несмелый рассвет.
Не впервой им во тьме повороты,
Где ни звёздочки, в сущности, нет.

Если спросишь их, – «Это нетрудно! —
Уверяют они невпопад. —
Над Атлантикой небо безлюдно
Да и брызги в лицо не летят...»

Объявлений заученной мессой
С нами за полночь явь говорит,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.